Пролог

Эволюция. Для кого-то это нечто настолько же очевидное, как закат или рассвет. Для кого-то это религиозное таинство, мистическая аномалия или необоснованный бред. Чем бы ни была эволюция — она определенно дала промашку.

На протяжении многих миллионов лет она шла путем проб и ошибок. Первыми полноправными властелинами планеты стали насекомые: они достигали поистине немыслимых размеров. У них не было даже зачатков сознания — лишь жестокость, заложенная в инстинкт. Выжить и дать потомство — все, что их интересовало. Они не знали жалости и сочувствия, уничтожая друг друга. И грянул гром: извержения вулканов, внезапный выброс метана со дна моря — кислорода становилось все меньше, насекомые теряли силу, с ней власть, а с ними жизнь.

На их место встали неприхотливые рептилии. Каждый ребёнок знает о том, что когда-то на Земле жили могучие ящеры: хищные и травоядные. Они были куда умнее своих предшественников: именно рептилии, первые на всей планете, стали образовывать моногамные пары. Им не было чуждо родство: они защищали себя, свою семью и свой вид. Вечная гонка на выживание: травоядный стремился улучшить защиту, хищник стремился пробить её. Они использовали все: клыки, бивни, окаменевшие наросты, умопомрачительные размеры. Слабые на фоне гигантов особи сбивались в крупные стаи и нападали толпой на одного, одиночки использовали скорость и силу. Шансы были равны у всех, пока не появились они. Безжалостные машины для убийств: быстрые, мощные, отличные стратеги и непревзойденные воины. Установив свою тиранию над планетой, они снова столкнулись с неизбежным тупиком развития, а после с вымиранием. Ученые до сих пор спорят, что это было? Одни говорят, что это был астероид, иные, что вновь виноваты изменения в атмосфере, третьи говорят, что всему виной эпидемия. Мы никогда не будем знать точно, что случилось тогда, но правление рептилий пало и на их место совсем скоро взойдут, пока что неказистые, неловкие обезьяны. Наступила эра человека.

Мы — существа с уникальным уровнем развития интеллекта. С самого начала нашего пути мы прибегали к сложнейшим решениям, чтобы выжить. Мы мастерили орудия, жилища, совершенствовали тело и разум. Вскоре люди поймут, что зависят друг от друга. Придётся жить в тесном обществе себе подобных.

Обрастая все новыми и новыми знаниями о себе и окружающем мире, человек стал формировать правила, законы, нормы и традиции. Общество сформировалось и поделилось на властвующих и подчиняющихся, право имеющих и дрожащих, на высшие и низшие звенья. Человек подчинял себе других людей, а с ними — новые земли и территории. Люди неизбежно столкнулись с войной. Узнали, что такое победа, что такое проигрыш, что такое мир, предательство. Животная сила и человеческий разум рождали жгучую смесь амбиций и действий. Люди стали опасны сами для себя, а вскоре и для планеты.

Человек укротил голод. В момент, когда ему стало сложно охотиться, когда дичь ушла, а хищник был слишком опасен, он стал заниматься земледелием. Когда урожай стал слишком скуден, чтоб кормить семью и общину, он стал кочевать на места, где почва еще плодородна и размножать скот.

Человек укротил свой нрав. После сотен войн, миллионов потерянных душ, люди отказались от войны. Ступая на путь дипломатии, человек отрекся от жестокости, стараясь задушить своё животное я. Война, которая многие века возводилась в святую обязанность, стала чем-то пошлым и тривиальным, постыдным и ненужным.

Человек укротил целый космос: планете больше не страшны метеориты и вспышки солнца, вся наша галактика под круглосуточным присмотром Земли, а значит человек может спать спокойно. Бравые рыцари наших дней вовремя заметят опасность и устранят её.

Человек почти укротил болезнь. Чума, испанка, черная оспа, рак — богатейшая палитра боли, которую может испытать человек. На протяжении веков она сопровождает нас, выжидает, словно опытный хищник, подходящий момент, и, одним увесистым прыжком, нападает. Эпидемия за эпидемией, человечество цепляется за богов, как утопающий за соломинку, тщетно ищет помощи у неба и под землей, но вскоре понимает, что помочь себе может лишь само. Лучшие умы человечества бьются над вакцинами от страшнейших заболеваний, и, со временем, совсем теряют страх перед ними.

Вот, кстати, последнее, что человек в себе укротить не смог. Страх всегда будет мучить нас. Страх темноты, одиночества, смерти. Страх — величайшая сила и самая страшная слабость. В мире, где нам теперь придется выживать — страх, это порой все, что осталось. Все чувства притупились до безусловных инстинктов и сводятся к бегству от самого себя к своему природному началу.

Михаил Булгаков писал, что разруха не в сортирах, но, уважаемый Михаил Афанасьевич, можете ознакомиться: она везде. Иногда кажется, что весь мир, который мы помним — глупая картинка из детских книг, где…

— Эй, чудила! Хватит этой хренью маяться. На кой черт кому-то сдалась твоя книжулька? Ты вообще видел, что вокруг творится?

— Документировать происходящее очень важно, ведь… Было бы эгоистично ничего не оставить нашим потомкам, и…

— Нашим кому? Ты неисправим, черт побери. Поднимай свою костлявую жопу, манатки в руки и вперед.

Наспех чиркнув что-то в блокноте, парень поднялся, подхватил сумку и стал догонять невольных спутников.

— Эй, подождите меня!

25.01.2021

Глава 1

Обычно в Сан-Франциско довольно солнечно, но сегодня солнце решило стыдливо спрятаться за густыми серыми облаками, которые рваной пеленой покрывали небо. Но такая погода нравилась Джо, да и её овчарке Вайноне. Блондинка медленно брела вдоль парковой аллеи, рассматривая опадающие листья, пока её собака радостно приставала ко всем прохожим. Конец сентября выдался на удивление сухим и тёплым, отчего навязчивый шёпот о глобальном потеплении посильнее въедался в мозг.

— Нона, идём! — Джо свистнула собаке, которая увлечённо обнюхивалась перепуганную до седины в волосах старушку.

Они свернули в переулок с меньшим количеством простых смертных, которых хотела бы с ног до головы облизать дружелюбная овчарка. Порой Джо даже жалела, что Нона такая добрая и любознательная, но в глубине души всегда считала, что лучше так, чем выгуливать её в намордник и на поводке. Конечно, родители хотели сторожа. Злого, сильного, опасного. А сама Джо притащила Нону, которая понятия не имела как лаять на

прохожих. Короткошёрстная псина предпочитала дружить со всеми и милым взглядом повергать грабителей в веру в лучшее.

Они шли мимо магазина с электроникой, и Джо с упоением разглядывала электронные часы. Пятого поколения... Такие она и хотела. С ярким розовым ремешком. Привязав собаку около входа, она толкнула прозрачную дверь, не заметив надпись «на себя». Ручка заехала ей по носу, отчего девушка пошатнулась, а кассир с консультантом неприкрыто рассмеялись. Со второго раза Джо всё-таки попала внутрь, склоняясь над стендом с часами. Она даже не смотрела на ценник, не заинтересованная такими мелочами. Однако внимание её привлекли пара телевизоров, на одном из которых были выведены картинки с камер наблюдения. Её снимали со спины и, смутившись, Джо достала из волос желтый опавший листик. Играла приятная легкая музыка, но настроение уже было испорчено. Хотелось домой.

— Сэр, будьте добры, покажите мне эту модель, — девушка ткнула пальцем в стекло.

Переглянувшись с кассиром, консультант послушно выполнил просьбу. Джо надела часы на запястье, рассматривая себя в них через камеру наблюдения. Довольно неплохо и как раз окончательно дополняло её странный образ.

— Пробейте, пожалуйста.

Пока кассир заполнял бумаги, она от скуки смотрела новостной канал на одном из Apple TV. Приспустив защитную маску, репортёрша торопливо вещала на фоне больницы о росте заболевших и отсутствии вакцины. Всему виной уже как полгода всем известный коронавирус, со всеми игнорируемым названием Covid-19. Дальше слово взяла телеведущая из студии, но половину её слов Джо пропустила, оплачивая покупку через ApplePay, снова возвращаясь к новостям.

«В течении последующих девяти часов город будет закрыт на карантин. Общественный транспорт прекращает свою работу, воздушные сообщения в том числе. Настоятельно просим всех граждан не сеять панику и оставаться в своих домах».

Фыркнув, Джо поблагодарила работников и выплюнулась на улицу, отвязывая Вайнону. Она направилась в ближайший супермаркет, наблюдая довольно гротескную картину. Жители такого солнечного городка буквально сошли с ума. Джо ещё даже не вошла в магазин, а её вместе с собакой уже со всех сторон давили. В городе разгоралась паника. Кто успевал войти — грёб с полок всё, что попадало под руку. Каши, макароны, крупы. Первыми с полок исчезли лапша быстрого приготовления и туалетная бумага.

Кто-то вызвал охрану. Люди в форме пусть сначала и пытались как-то мирно угомонить покупателей, но уже через пару минут успешно растолкали толпу. Перед людьми натянули железные ограждения, пуская во внутрь по два человека. Вайнона, обычно счастливая при виде толпы, тихо поскуливала и жалась к ногам хозяйки, которая уже сто раз об этом пожалела. Их пустили во внутрь спустя полтора часа. Швыряя в корзину всё, что можно, люди оставили после себя полнейший хаос. Сидящий за кассой паренёк выглядел побитой собакой и дергался от каждого звука. Прекрасно поняв, что человеческая еда им не светит, Джо толкнула тележку в зоо-отдел. Она примерно представила масштабы трагедии и скинула в тележку все остатки собачьего, да и кошачьего корма.

Конец ознакомительного фрагмента

Ознакомительный фрагмент является обязательным элементом каждой книги. Если книга бесплатна - то читатель его не увидит. Если книга платная, либо станет платной в будущем, то в данном месте читатель получит предложение оплатить доступ к остальному тексту.

Выбирайте место для окончания ознакомительного фрагмента вдумчиво. Правильное позиционирование способно в разы увеличить количество продаж. Ищите точку наивысшего эмоционального накала.

В англоязычной литературе такой прием называется Клиффхэнгер (англ. cliffhanger, букв. «висящий над обрывом») — идиома, означающая захватывающий сюжетный поворот с неопределённым исходом, задуманный так, чтобы зацепить читателя и заставить его волноваться в ожидании развязки. Например, в кульминационной битве злодей спихнул героя с обрыва, и тот висит, из последних сил цепляясь за край. «А-а-а, что же будет?»

Уже на кассе она снова встретила жестокий мир человечества, которое не собиралась думать ни о ком, кроме себя любимого. Озлобленные и словно одичавшие, пару человек дрались за упаковку влажных салфеток. Кассир вжался в своё кресло, пытаясь стать частью кассового аппарата и больше не встречаться с таким сумасшествием. Джо подняла глаза на стенд с сигаретами, вернее, на стенд где обычно были сигареты, а сейчас остались лишь полочки и разбитое стекло.

— Кто-то очень сильно хотел курить, — фыркнула она, пока кассир пробивал ей собачину корм.

— Да, но я рад, что они всё-таки решили разбить стекло, а не мое лицо, — выдавил призрак улыбки парень за кассовым аппаратом. — Это всё? Нал, безнал?

— Без, — Джо прислонила телефон к терминалу. — Моя еврейская душа поёт — я из жадности по скидке купила целый ящик с двойной капсулой. Глядишь, переживу апокалипсис.

— Сможете торговать ими, — улыбнулся кассир. — Хорошего дня.

Закинув на плечо пакет с кормом, Джо корпусом пробивала себе путь из магазина. На улицах всё ещё разгоняли людей, а до дома было рукой подать. Глядишь, сегодня их не затопчут.

***

— Спасибо большое, но не стоило, — Питер действительно считал, что не стоит. Но девушка была непреклонна.

— Держи-держи, тебе нужно восстанавливать силы, — она явно заигрывала, положив руку ему прямо на тугую повязку на рёбрах, упершись бедром в дверной косяк. — Какие планы на карантин?

— Карантин? — тот через её плечо выглянул на улицу. — Какой ещё карантин?

— Ой, ты не знал? — девушка стала поправлять пуговички на его рубашке, пытаясь заглянуть в его зелёные глаза. — Какие-то китайцы съели летучую мышь и заразили вирусом весь мир.

— Об этом я, поверь, точно слышал, — Питер аккуратно попытался отодрать рыжеволосую не столько от себя, сколько от своих сломанных ребер. — Когда карантин-то ввести успели?

— Да недели две уже как, — та пожала плечами. — Только не все его соблюдают. Разве что магазины не работают и транспорт стоит.

— Ну зашибись, — шатен почесал затылок рукой, свободной от арахисового пирога. — Ладно, спасибо за угощение.

— Выздоравливай! — рыжеволосая попятилась, когда её стали двигать закрывающейся дверью. — Постой! Может тебе нужна компания?..

Но Питер уже сделал вид, что не услышал её. Компания? Он критично осмотрел свою кухню, в которую вёл коридор с прихожей. И это была его самая чистая комната. Немного заставленная коробками из-под пиццы, конечно, но... весьма прибранная.

Он печально взглянул на пирог.

— Буч, жопа ленивая, иди сюда!

Ни шевеления не раздалось за практически минуту молчания, которую выдержал Ривер. Он тяжело вздохнул и, согнувшись, стал расчищать с пола коробки, книги и прочие очень нужные вещи. В левой руке он всё ещё сжимал пирог.

— Выходи, свин такой, слышал, что говорят? Карантин на улице! Будешь так себя вести, я тебя сам сожру. Иди к папочке...

Никакой реакции.

Вернувшись на кухню, Питер пододвинул ногой из-под стола единственное идеально чистое место во всем доме — миску. Она была вылизана до блеска. Шатен развернул пирог, вывалив его в оную. Ну, почти в неё. Немного попало на пол, а немного и в саму миску. Остальное, конечно, ему на штаны.

— Твою-то мать...

С громким «хрю», нечто издали напоминающее собаку, выскочило непонятно откуда и с яростью накинулось на пирог.

— Штанину не трожь! — Питер выдернул ногу из-под пса, направляясь в ванную.

Он с грустью взглянул на фото в рамочке, где его пёс всё ещё был щенком породистого чёрного мопса. Сейчас он походил на породистого чёрного свина, который вполне готов идти на убой. Ещё и соседка эта пристала, он с досадой застирывал джинсы, что ей нужно вообще? На работе таскается за ним по пятам, думал хоть дома отдохнёт от неё. Всего лишь половину рёбер стоило переломать, чтобы пореже её видеть.

— Карантин значит, — сказал он сам себе. — Прикольно.

Глава 2

Карантин сняли три дня назад. Джо странно себя чувствовала по этому поводу, ведь миру лучше явно не становилось. Рост заболевших не уменьшился, видимо изоляция не слишком помогала, поэтому временно возобновлялись авиа-сообщения и не слишком массовые мероприятия. Сейчас девушка собирала вещи, стараясь впихнуть в чемоданы как можно больше. Багаж будут взвешивать, так что она тщательно пыталась влезть в рамки двадцати килограмм. Ещё семь в ручную кладь. Хотя туда можно немножко больше, вряд ли кто-то заметит. Она точно не знала на сколько летит, но примерно подсчитывала, что вполне может и похолодать. Вопрос: брать ли с собой пуховик?

— Конечно брать!

Перепроверив всё в десятый раз, Джоанна сверилась с билетом и подтвердила вызов такси. Такими темпами, она может быть даже и не опоздает на регистрацию. Зачем же она летит и куда? С её работой это и не удивительно, но Джо ждёт выступление в Нью-Йорке. Она уже несколько отвыкла летать, хотя раньше выезжала на гастроли по три-четыре раза в неделю. Сейчас же, после карантина, в Бруклине затеяли сеть мероприятий для врачей и разных там сливок общества. Министры будут что-то обсуждать, профессор

гистопатологии проведёт конференцию, а её роль днём встречать гостей в длинном вечернем платье, ночью — работать воздушное кольцо в импровизированном клубе. Этим она, собственно, и зарабатывала себе на хлеб.

— Такси подъехало, — Джо звучно чмокнула собаку в мокрый нос и потащила чемоданы к выходу.

Таксисту не слишком понравилось тягать чемоданы, но он храбро всё вытерпел. И тяжести, и упреки, и получасовой трёп Джо по телефону с подругой, которая должна была выгуливать Вайнону. Наконец, девушку выбросили около нужного ей терминала. Предъявив билет и паспорт, она первым делом сдала багаж и получила посадочный талон. До начала посадки оставалось всего-ничего, так что она, в обнимку со своей ручной кладью, сидела около гейта под номером двадцать семь.

Джо привыкла к самолетам, как ни привыкала ни к одному другому транспорту. Летала она в лосинах, чтобы свободно можно было расставлять ноги на неудобных маленьких сидениях. Тёплая кофта с капюшоном во имя борьбы с кондиционером. Маска для сна, наушники и дорожная подушка. На билете клиент экономил капитально. Дешевле было бы ему только самому на руках доставить её в Нью-Йорк. Самолёт делал пару остановок, чтобы подбирать людей в нужных штатах. Благо, таковых было всего два. Им предстояло сесть сначала в Денвере — штат Колорадо, потом Чикаго — Иллинойс, а потом и в Нью-Йорке наконец.

Уже в самолёте, Джо везла ручную кладь, выискивая глазами место 17В. С упоением она отметила, что похоже боги авиакомпаний сжалились над ней и, пусть место у неё по середине, но летит она... одна на все три сидения! После взлёта, только погас значок пристегнутого ремня, она спокойненько развалилась лёжа, подложив под голову подушку и натянув на глаза маску для сна. Видимо, при начале посадки стюардесса решила не будить её, и Джо проснулась сама, когда колёса самолёта грубо ткнулись в асфальт Денвера.

Здесь уже ей пришлось недовольно ворча двигаться ближе к окошку. Парень с мешками под глазами размером с её маску для сна назвал своё место и, пристегнувшись, тут же уснул. Благо, Джо всё ещё оставалась около окошка с ногами на среднем сидении. Этот полёт она уже не спала, разглядывая виды за окном. В Чикаго они сели гораздо мягче — то ли пилот сменился, то ли проснулся наконец. Но лучше не слишком мягкая посадка, чем ещё один пассажир.

— Мэм, это мое место, — Джо обернулась, замечая в проходе слегка бледноватого шатена.

— Сильвупле, — ядовито процедила та, пересев на своё 17В посередине. Она, не обуваясь, раздвинула в разные стороны ноги, пропуская парня к окну и сверля его взглядом, словно в надежде, что он испепелиться, а ей достанется его место.

Джо надула щеки и не шевелилась, пока самолёт снова не взлетел. Она думала, что в такой тишине и пройдёт весь покой, пока её не ткнули в ногу.

— Мэм, — говорил шатен, сверкая зелёными глазищами. — Мне мешает ваше колено.

— Тогда организуй себе частный самолёт, — Джо собрала ноги вместе, умышленно ткнув оного локтем в бок. — Еда!

И правда, стюардесса медленно катила тележку между рядами. Джо и шатену выдали по оплаченной порции, а их спящего соседа так и не добудились. Девушка развернулась фольгу бургера, уплетая его буквально за минуту. Она добралась и до отдельного вегетарианского сэндвича, в конце буквально проглатывая тирамису. Вытирая рот, она почувствовала на себе взгляд, обернувшись на соседа слева.

— Что?

Тот успел пока только развернуть свой бургер и несколько дивился невоспитанности блондинки. Та решила его удивить. Пожав плечами, она протянула руку и взяла его тирамису, открывая и вонзая в десерт ложку.

— Вы с ума сошли? — похлопал глазами тот. — Это моё.

— Сто процентов, — с набитым ртом сказала та.

Сжав губы в тонкую линию, шатен рывком наклонился к десерту, лизнув всю поверхность тирамису.

— Моё, кому говорю, — сказал шатен.

Та лишь пожала плечами.

— Я не брезгливая.

— Сейчас коронавирус, — хмыкнул тот. — Вы не можете быть уверены, что я здоров. Вы-то точно больная.

Яростно, Джо замахнулась ложкой в десерт, чтобы продемонстрировать хлипкость аргументов оппонента. Заметив это, тот бросил бургер, перехватывая руку девушки с десертом. Он тянул на себя, она на себя, пока Джо вдруг не расслабила хватку. Её локоть отлетел третьему пассажиру в челюсть, а вот тирамису — на штанину Питеру, рядом с пятном от арахисового пирога.

— Простите, мэм, — Джо остановила стюардессу, пробегающую мимо. — Этот юноша хочет ещё один десерт, но стесняется попросить.

Стюардесса кивнула, но блондинка заметила даже не очнувшегося третьего, хотя, может он потерял сознание после удара?

— И ему ведь тоже положена порция, он сказал, что скоро проснётся.

— А с ним всё в порядке? — женщина кивнула на парня, который набок наполовину свисал с кресла. — Он выглядит не очень.

— Стопудово, — с улыбкой кивнула Джо.

Стоило стюардессе отойти, как Джо отстегнула ремень безопасности, чтобы ровно усадить их третьего пассажира.

— Турбулентность, пристегнись назад! — с паникой в голосе сказал шатен. — Горит значок!

Джо лишь обернулась через плечо, пытаясь поднять спящего.

— Ремень тебя не спасёт, он нужен, чтобы при крушении твоя тушка осталась на месте и труп было легче идентифицировать, — она показала ему язык. — Живи с этим.

К её удивлению, совершенно белый, шатен сел, покрепче сжав подлокотники. Сработало, надо же. Умяв ещё два тирамису и две чашки чая, Джо приготовилась к посадке. Шатен слева всё ещё смотрел ровно вперёд и на вопросительный взгляд блондинки прошептал что-то по типу: «мы все умрем...».

После посадки они выходили в молчании. Джо просто переела, Питер по-прежнему немного шатался, но с надеждой на лучшее, а их сосед потирал челюсть, даже не представляя, что произошло в полёте. Ему казалось, что в этот раз они долетели на удивление спокойно. К самолету подвели рукав.

Их встречал Нью-Йорк.

***

Питеру всегда не везло с кругом общения. Не то, чтобы он был изгоем, нет, он был… Самовольным отщепенцем, так он это называл. Ему было не о чем говорить со сверстниками: не было общих увлечений и даже знакомств, зато никто не надоедал ему своей компанией, поэтому он мог посвятить всего себя учебе и своему собственному миру. О, это был волшебный мир. По неслышному никому щелчку пальцев, он мог оказаться кем угодно и где угодно. Стоило лишь закрыть глаза и он появлялся в самых восхитительных местах из тех, что только мог вообразить. Там он скрывался от общей суеты, рутины, одиночества и страха.

Именно там он и планировал провести три часа <s>ада, боли и страданий </s> полёта, уткнувшись в свои собственные размышления о предстоящем подвиге.

Карантин сняли, но это не даровало ни капли обещанного спокойствия, напротив: паника нарастала, ведь зараженных было всё больше, больные всё чаще умирали, и пусть СМИ сулили скорое завершение истерии, массовое волнение лишь нарастало. Чтобы попытаться повлиять на отношение общественности к проблеме, было решено созвать влиятельных и не очень персон из самых разных сфер, чтобы они осветили влияние пандемии на экономику, культуру и, конечно, медицину. Для Ривера было большой неожиданностью получить приглашение выступить в качестве лектора в самом Нью-Йорке, но он принял его с достоинством.

— Серьёзно?!

Раздался грохот. Буч раздраженно приоткрыл глаз, как бы убеждаясь, что его хозяин лишь упал, а не убился, недовольно хрюкнул что-то вроде «даже не удивлён» и грузно перевернулся на другой бок.

— Поверить не могу! — шатен крутил листок с приглашением перед своим лицом, пытаясь увериться в том, что глаза его не подводят. Довольно раскинув руки в разные стороны, он засмеялся, — Буч, ты слышал, приятель? О, да, папочка едет в Нью-Йорк! — Ривер резко поднял корпус и тут же захныкал, об этом сожалея. Гребаный перелом.

Все в его жизни было не по плану: то ли от общего невезения, то ли от того, что он эти планы в целом не строил. Ни разу в жизни у него не было даже трещины в кости, а тут он всего лишь чуть более неловко, чем обычно, упал на кровать, а на следующий день не мог нормально вдохнуть. Вся его жизнь была похожа на замкнутый круг, как, наверное, и у большинства честных работящих американцев, он жил в бесконечном дне сурка. Утро, прогулка с Бучем, невкусный кофе собственного производства, пресный завтрак, работа, работа, работа, работа, ещё капелька работы, прогулка с Бучем, совсем немножко работы перед сном и подушка. Дальше подушки он, правда, ничего обычно не помнил.

И вот сейчас он наблюдал за кишащей жизнью большого яблока из окна такси и прокручивал события прошедшего дня в голове. Конечно, отдельным событием стала его несносная соседка в самолете. Он всегда избегал общения с людьми, которые так открыто идут на провокацию, а если уж ему и приходилось встречаться с этими монстрами лицом к лицу, то он успокаивал себя тем, что больше они <i>никогда</i> не встретятся. Случайное досадное знакомство.

Заселение в отель прошло спокойно и без лишних сюрпризов, номер, который предоставляли организаторы, приятно удивил чистотой и простором. Расслабленно выдохнув, он опустил чемодан, поставил переноску с псом рядом и выпустил недовольно пыхтящего пленника на волю.

— Вы свободны, милорд, — ответом ему было надменное похрюкивание. — Ну ты серьезно, даже не осмотришь новые владения? Ленивая задница.

Питер скинул куртку, повесил её на плечики стула, смачно повёл плечами и упал на кровать прямо поверх покрывала и груды подушек.

— О да… Это будет просто незабываемая ночь… Ночь покоя и добродетельной тишины, — пёс в ответ утвердительно всхрапнул. — Буч… Ты только представь, что теперь будет. Представляешь, меня позвали выступить на одной сцене с самим Сэмом Келлером! Да я его работы с восьмого класса читаю! Там будет Волтер МакРойт, Стивен Фишер… Господи, да я просто обязан произвести такой фурор, чтобы они все с мест повскакивали! Чтоб они наконец поняли, как сильно ошибались, что не замечали нас с тобой, тогда они заметят, и!.. И всё станет совсем иначе, дружище. Обещаю. Мог бы хотя бы притвориться, что слушаешь меня, — нечленораздельное ворчание, — сам ты это слово.

Ривер аккуратно встал, и, на ходу скидывая одежду, отправился в ванну, смыть с себя остатки сегодняшнего дня и вновь подступающий страх неизвестного.

Глава 3

Многие могли бы сказать, что она плохой человек, но, черт побери, Джо бы так точно не сказала. Прошли бы эти щенки хотя бы в половину столько, сколько прошла Джоанна — о, она бы с удовольствием взглянула, как все эти моралисты уживались бы в её шкуре. На словах быть святошей легко, а не деле — очень непрактично. Лакомый кусок урывают сильные мира сего, а они не особо думают о добре и зле. Если хочешь быть сыт — будь добр, крутись. Меньше всего тебя должно волновать чье-то мнение.

Всё её детство было причудливой гонкой за призрачным хвостом: вечные переезды, ссоры, споры, крики, а иногда даже побои — все это было жизнью маленькой Джо. Для неё это было нормально, она думала, что иначе и быть не может. Её учили ценить то, что у неё есть, даже когда есть только рваная пара ботинок и старая мамина куртка. Улыбайся, милая, ты должна быть сильной. Должна быть ответственной. Должна быть благодарной.

В какой-то день Джо решила, что должна была слишком много и одним широким жестом перечеркнула все воспитанные в ней принципы. И в то же мгновение она почувствовала себя такой свободной. Она почувствовала себя почти невесомой, как будто ещё секунда и она буквально оторвется от земли и взлетит в воздух.

Воздух стал её профессией и главным защитником, а первым соперником стала гравитация. Сначала это пугало, но со временем, Джо поняла, насколько сила притяжения ничтожна по сравнению с её собственной силой. Сколько бы она не падала, она всегда сможет подняться ещё выше, чем в предыдущий раз.

С номером в этот раз повезло так, как везло редко: во-первых, это был далеко не дешевый отель, сама бы она с трудом могла себе позволить провести хотя бы одну ночь в нём. Во-вторых, номер был ухоженным и уютным, без лишних нагромождений мебели, а в-третьих, и это самое главное, она была в номере абсолютно одна. Обычно их заселяли по две или три девочки в номер, но в этот раз Джо шиковала.

Прямо в центре номера стояла огромная кровать, которая манила уставшую девушку всем своим кроватным обаянием, она томно шептала белизной постельного белья «приляг, прелестное дитя», но у Джо определенно были другие планы.

— О да… Это будет незабываемая ночь, сучка.

***

Из сна Питера вырвало гребаное землетрясение. Ну, по крайней мере ему так показалось на первый взгляд. На второй же стало ясно, что это всего лишь стенотрясение. Из соседней комнаты доносились звуки, разрывающие душу и барабанные перепонки. Может показаться, что это новогоднее обращение самого дьявола для своих поданных, но настоящий ценитель, конечно, сразу поймёт, что это мастерски исполненный гроул под аккомпанемент классического металла, приправленный щепоткой нео-техно.

Буч, растянувшийся у хозяина под боком, мирно посапывал, не замечая в неординарном выборе музыкального сопровождения ничего особенного. Люди и не такое любят, видели бы вы их реалити-шоу… После такого любая музыка будет казаться пением ангелов.

Сначала, из уважения к чужим музыкальным пристрастиям, он мягко постучал в стену, надеясь на благоразумие соседа. Как выяснилось, тщетно. Тогда он сделал это более настойчиво и прикрикнул.

— Эй, потише там!

Реакции не последовало. Заспанный, недовольный и обиженный на судьбу, он натянул самое суровое выражение лица из всех, что взял с собой в Нью-Йорк, обулся, поплотнее завернулся в халат и направился отстаивать своё законное право на спокойный сон. Приблизившись к двери, он занес кулак и несколько раз увесисто стукнул. Музыка стала играть чуть тише, Ривер напрягся и прислушался, но ничего, кроме пронзительного вопля вокалиста, не услышал. Постучав ещё раз и снова ничего не добившись, он с досады пнул дверь ногой.

— Мне это надоело! Я иду к администрации, слышите?! Это просто невозможно!

Как был, в халате и тапочках, разгневанный парень несся по коридору, с суровым лицом ждал лифта и с таким же зашел в него. Там его спутницей оказалась милая беззубая старушка, которая на протяжении всей поездки, что казалась вечностью, причмокивала и улыбалась.

— Тепло у нас тут, да? — начала она, будто они знакомы несколько лет.

— А?.. — он неуверенно расправил брови.

— Тепло у нас говорю! Глухой, что ли? Грубый и глухой. Ну и хам.

Лифт издал спасительный дзынь, оповещающий о прибытии и Питер вылетел в лобби. Снова вспомнив о серьезности своих намерений, он насупился, расправил спину, насколько позволяли ноющие ребра, и гордой походкой отправился к стойке ресепшна.

— Доброй ночи, мэм, мне нужна ваша помощь, — обратился он к бодрой, не смотря на поздний час, девушке.

— Конечно, сэр, что случилось? — она учтиво улыбнулась.

— Я из номера С128 и, понимаете, мой сосед… — он неуверенно замялся, — решил устроить себе и мне бурную ночь.

— О, понимаю, но, боюсь здесь я не могу Вам помочь. Простите, но мы стараемся не вмешиваться в столь деликатные вопросы наших клиентов, все-таки это личное…

— Вы не так меня поняли! Музыка! Он очень громко включил музыку! Я просил сделать потише несколько раз, но он… Просто игнорирует меня! Это невозможно, понимаете, завтра очень важный для меня день, а я попросту не могу заснуть! В конце концов, за что я плачу деньги? — конечно, деньги платит организатор, но для пущего возмущения Питер действительно представил, что было бы, будь это ещё и за его кровные финансы.

— Ох, я… Постараюсь разобраться с этим, сэр. Что же, прямо сейчас я могу пройти с вами и предупредить вашего соседа, что при повторении жалоб ему будет выписан приличный штраф за нарушение личного покоя постояльцев.

— Это было бы чудесно, мэм, — Ривер лучезарно улыбнулся девушке.

Они проделали путь к номеру в деловом молчании. Такое прекрасное состояние души, когда из-за тишины не рождается неловкость. Питер уже смаковал момент разочарования на лице обидчика, предвкушал момент чьего-то обломанного кайфа. Какого же было его удивление, когда поднявшись на этаж они услышали… Ровным счетом ничего, кроме закрывающегося за их спинами лифта. Питер неуверенно проводил девушку к двери, за которой считанные минуты назад раздавался ужасный вопль.

— Я… Это здесь. Наверное, услышал, что я иду жаловаться и… Исправился.

— Возможно, сэр, — девушка, не меняя дежурной улыбки, невесомо постучала по двери. — Доброй ночи, мэм, извините за беспокойство. Ваш сосед пожаловался на громкую музыку, которая мешала ему спать.

Блондинка с отпечатком подушки на щеке и в маске для сна, которая сейчас служила ей ободком, осоловела похлопала глазами, смотря на знакомую физиономию.

— Я вообще-то спала.

— Ох, в таком случае, извините за беспокойство, мэм. Вы не слышали никакого шума?

— Ну, я во сне обычно не особо прислушиваюсь.

— Конечно, мэм. Еще раз извините за беспокойство, доброй ночи.

— Агась, — Джо закрыла дверь со смачным хлопком, выражая в нем всю глубину нанесенного ей оскорбления. Тут же прижавшись спиной к двери, она довольно заулыбалась и прислушалась к происходящему в коридоре.

— Мэм, я уверен, что музыка звучала из её комнаты, я… Самолёт! Понимаете, она моё тирамису! Она вообще дерется!

— Эта леди вас ударила?

— Нет, не меня, нашего соседа, он спал. Или без сознания был, но нет, вы понимаете, главное, что она тирамису моё, я его даже облизнул, а она схватила, и!..

— Сэр, я вам верю, успокойтесь. Но… Сейчас ведь вашему сну ничего не помешает?

— Я… Полагаю, что так.

— Доброй ночи, сэр. Звоните, если что-нибудь понадобиться, — девушка быстрым шагом направилась к лифту, видимо пытаясь сбежать.

— О, господи.

За дверью номера С127 раздался смех злобного гения. Питер, не выдержав такого хамства, в очередной раз за ночь постучался. Джо, все так же, посмеиваясь, приоткрыла дверь ровно настолько, чтобы можно было установить визуальный контакт без риска физического.

— Я что, проклят? — в ответ девушка лишь ещё больше рассмеялась. — Пожалуйста, мэм, я... Взываю к вашему благоразумию и...

— Никто не отвечает.

— Что? — Ривер непонимающе свел брови к переносице.

— При вызове к благоразумию никто не отвечает! — сквозь новую порцию смеха сказала Джо.

— Я... Да, я точно проклят. Спокойной ночи, мэм.

Глава 4

"Окровавленными пальцами Он гладил, так нежно, напечатанные на бумаге слова стихотворения, открывающего «Библию». Ночь. Свечи горели по обе стороны новой банки, где в красной жидкости плавал свежий глаз. Это был такой прекрасный глаз, когда еще был живым. Болотно-зеленый.

Огонь пылал в печи. Комната — как пещера, темная парная. Жаркая.

Он обнажен. Он сыт.

В животе Его чья-то плоть. Лакомство.

Сегодня у Него день рождения, второе ноября. Время радовать себя. Время соблазнов. Когда наступала зима… как прекрасно, что Боги Природы в этот самый день решают начать новый сезон. Обычно это случалось приблизительно в то время. Около того дня, когда Он был рожден, вырван из материнской матки, уничтожив то, что его породило. Жизнь и смерть. Рука об руку. Инь и Янь… "

— О чём задумался? — ассистент присел около судмедэксперта, глядя на зажатый в его руке скальпель.

Темноволосый взъерошенный парень даже головы на него не повернул. Вскрытие они проводили даже не на секционном столе, а прямо на полу, пока руки и ногу трупа были привязаны по разные стороны.

— Тебе не кажется это странным? — патолог покрутил между пальцев скальпель. — Тело привязано, на кой чёрт спрашивается? Везёт же мне.

— Вы новенький, — ассистент выровнялся, разминая затёкшие колени. — Так что придётся терпеть. Нас вызвал тот самый полицейский, что связал его. Сказали вскрывать так — в чём проблема? Быстрее начнём и быстрее закончим.

Патолог лишь уставился на скальпель, погруженный в свои мысли. Действительно, ведь он был новеньким в их больнице, а анатомичка полнилась престарелыми людьми в таких же застиранных халатах. Чаще всего на выезды отправляли его и, не поверите, самой распространённой причиной было то, что у кого-нибудь из стариков на погоду крутило колени.

Буквально пару месяцев назад он наконец получил докторскую степень в гистопатологии. Конечно, он не должен бы работать судмедэкспертом и спокойно заниматься своей специальностью, но главврач распорядился по-другому. И вот сейчас он смотрел на тело, которое ему предстояло вскрыть. Связанное на полу, без освещения и нужных условий. Они что, на войне?

— Доктор Хантер? — ассистент уже умоляющее смотрел на патолога. — Ради Бога, я уже хочу вернуться в отель и позавтракать.

Всё верно, наивно полагая, что конференция в Нью-Йорке пройдёт без его эксплуатаций, Александер согласился, а теперь на коленях топтался вокруг тела.

— Я не знаю, как мне взяться за него и с какой стороны сесть, — патолог тоже выровнялся, одной ногой переступая труп и склоняясь раком. — Только слово от тебя об этом услышу — так же лежать будешь.

Ассистент не ответил. Он лишь продолжил наблюдать за Александером. Ему нравилось присутствовать на вскрытии, особенно, когда за дело брался Хантер. Он относился к телам с уважением, которое редко когда выказывали остальные. И он явно любил свою работу, а не спустился в подвалы больницы от безделия или в следствии того, что завалил экзамен на хирурга. Алекс часто говорил, что ему нравится особая неспешность в этом деле. У тебя есть время на то, чтобы обдумать каждое своё действие. Ведь погибшие терпеливы. Они не нуждаются в быстроте реакций, они умеют ждать. Спокойные и размеренные, покойники лежат в холодильных камерах. А он... он может открывать их тайны, с помощью скальпеля прорезать дорогу к истине. Каждая мать имеет право знать, что послужило причиной гибели её сына. И каждый погибший может верить в то, что его тело расскажет патологоанатому все свои секреты. Гнилым, полуразложившимся пальцем указывая на убийцу.

Стоило скальпелю нырнуть под верхний слой кожи, очертив первую часть У-образного разреза до середины грудной клетки, как дверь распахнулась, и внутрь молча вошёл полицейский, а с ним и пару вооруженных военных в спецодеждах. Причём автоматы не спокойно себе свисали с их плеч. Они наверняка были заряжены и сняты с предохранителей, глядя дулом точно в труп.

— Продолжайте, доктор Хантер. Мы вас не побеспокоим.

Кивнув, Александер вернулся к телу. Он нахмурил брови, принимая из рук ассистента медицинскую салфетку, чтобы вытереть выступившую кровь из разреза. Всё, что в принципе стоит учитывать в этом случае, так это то, что у мёртвых не идет, мать её, кровь. Хантер ещё раз проверил жизненные показатели, во второй раз убеждаясь, что мужчина перед ним мёртв.

Хмыкнув, он аккуратно отвернул края кожи, оголяя рёбра и органы под ними.

— Когда, говорите, наступило время смерти? — повернул голову на полицейского Алекс.

— А я и не говорил, — басом ответил коп. — Завалили его два часа назад. Пулей в сердце.

Приподняв правую руку погибшего, Хантер нашёл входное отверстие.

— Тогда я не понимаю, — Александер снова взглянул на полицейского. — Я здесь, ведь у погибшего висцеральный лейшманиоз, или кала-азар, при котором поражаются органы ретикуло-эндотелиальной системы?

— Чё? — лишь ещё более грубо переспросил коп.

— Мужчина гнил заживо. Не знаю, как он жил вообще последний... десяток лет. Здесь уже всё успело сгнить.

— Продолжай вскрытие, сынок, своим друзьям будешь эту научную чепуху втирать.

Сглотнув, Александер пару раз повторил себе, что это не заразно. Он взял секатор, хотя тот не ломал рёбра, а просто резал, будто они состояли не из костей, а из сухого хлеба. Неужели что-то могло заставить их так сильно разложиться?

— Подозрение на Остеомиелит, — сказал ассистенту Хантер. — Да здесь всё выглядит как гнойно-некротический процесс, развивающийся в кости и костном мозге. Так ещё и в окружающих их мягких тканях. Его вызывают патогенные, производящие гной, бактерии и микобактерии. Но тут... Боже.

— Глянь, что в желудке, — приказал коп.

Хмурясь, Александер окунул руку в гнойное месиво, поочередно доставая органы. Половина из них просто лопались под его пальцами, растекаясь по трупу и полу. Решив закончить тщетные попытки, патолог просто вскрыл желудок прямо внутри тела. От запаха окончательно выступили слезы. Нет, он привык к гниению. Это неизбежно сопровождало его каждый божий рабочий день по несколько раз, но это было уже слишком. Хоть остатки еды никогда не выглядят привлекательно, особенно наполовину переваренные, Хантер едва успел сдержать рвотный рефлекс. На горе мясных гниющих останков в желудке гордо лежали все три фаланги указательного пальца. Патолог поднял его, внимательно глядя на, как он сначала подумал, срез.

Да, плоть может быть обманчива, особенно учитывая рой опарышей, которые выглянули на свет лампы, но уже через секунду снова принялись за содержимое желудка. Но никакие насекомые не способны обглодать сустав так, чтобы он выглядел, будто его...

— Откусили, — констатировал факт Алекс. — Этот палец откусили.

— Какой-нибудь дикий зверь? — опешил ассистент. — Здесь? В Нью-Йорке?

— Отставить догадки, — рыкнул коп. — Смотри дальше.

Пожав плечами, Хантер звучно швырнул палец в подставленную ассистентом железную посудину. Как вдруг он прислушался. Казалось, какой-то посторонний звук проник в эту крошечную заляпанную кровью комнатушку. Он повернул голову, встречаясь с взглядом затуманенных кровавых глаз.

На него рычал бывший вскрытый труп.

***

Его трясло. Он был уверен, что давно победил в себе это. Смешно подумать: актёр, у которого сгибаются колени, стоит ему сделать шаг на сцену. Оратор, который теряет голос, стоит ему кинуть взгляд в зал. Он был уверен, что страх перед публикой остался далеко позади, но ошибся. На деле это он, не выдержав и сдавшись, ушёл как можно дальше в закулисье. Туда, где его не смогут достать глаза зрителей, туда, где его голос не услышат их уши.

Питер принял решение стать режиссёром. Этот путь был нелегок и тернист, но о нём мало что можно рассказать. Он столкнулся с пренебрежением более опытных коллег, с непониманием и непринятием его идей, ему не подчинялись его же подопечные, ему строили злые козни, регулярно он сталкивался с гадостными сплетнями, лицемерием, но отчего-то Ривер не повернул назад. Может быть из-за упрямства, может быть из-за собственной глупости — сказать сложно, но теперь… Теперь все, кто сомневался в нем — увидят плод его нелегких трудов. Он выступит на одной сцене с знаменитейшими личностями и все наконец-то оценят его дар по заслугам! Если он, конечно, возьмет себя в руки, и не упадет в обморок на сцене.

— Говорила тебе мама — выпей успокоительного. Если ты, паразит, испортишь все сегодня, я… Я не знаю, что с тобой сделаю, но, поверь, тебе это ой как не понравится, — Питер тыкнул пальцем в грудь своего отражения, — И не смотри на меня так. Соберись и… И сделай то, что всегда умел.

— Надеюсь, я вам не помешал, молодой человек? — грузный мужчина в светло-сером костюме вошёл в туалет, где пытался забаррикадироваться Ривер. На его лице сияла

добродушная теплая ухмылка, было видно, что он вовсе не осуждал парня, даже напротив, разделял его чувства. Свет люминесцентной лампы отражался в его лысине.

— А? Что? Нет, что вы, мистер Келлер… Я всего лишь… — он запнулся на полуслове, пытаясь переварить, что говорит и кого видит, — Мистер Келлер? Господи, вы же Сэм Келлер!

— О да, везде фанаты, — мужчина добродушно засмеялся и наконец прошёл чуть дальше, ближе к кабинкам.

— Я даже не надеялся, что смогу увидеться с вами, вы!.. Вы не представляете, сколько сделали для меня! Всю мою жизнь изменила ваша работа о восприятии себя в обществе, это… Это просто шедевр, мистер Келлер, я бы хотел спросить вас так о многом, сэр, скажите, а… — поток мыслей Питера сильно обгонял его язык, поэтому где-то на середине его речь превратилась в сгусток восхищения и запинаний.

— Я бы с удовольствием с тобой побеседовал, честно, — он точно врал, — но я тут, знаешь, — он многозначительно указал взглядом на кабинку, — вроде как занят.

— Конечно, мистер Келлер! Я… Увидимся, да?

— Конечно, парень. Удачного тебе выступления, — он спешно скрылся за дверью кабинки и с облегчением выдохнул.

Питер же полностью настроился на успех и все время до момента выхода на сцену улыбка с его губ уже не сходила.

***

От дежурной улыбки уже ломило щеки. Казалось, что если сейчас она не поменяет выражение лица — она останется с этим оскалом пожизненно. Мерзость. Насколько работа хостес отличалась от проституции? Айлз была уверена, что несущественно. Улыбайся каждому, уважай каждого, лижи жопу каждому заносчивому старикашке. Единственное отличие в том, что последнее не стоит воспринимать буквально. Проводив очередного супер важного гостя к его столику, Джо вернулась на свое место, закрыла лицо руками и громко замычала. Почему она должна это делать? Нет, конечно, ответ очевиден, это её зарплата, но разве ради этого девушка несколько лет пахала в залах? Чтобы стоять тут и щерить зубы, терпеть хамское отношение к себе? Вон тот мужик вообще, как только его пятая точка коснулась кресла, моментально отключился. В жизни она повидала достаточно, чтобы к ней проявляли хотя бы толику уважения. Жалко, что собственную историю не напишешь у себя на лбу.

Её работа — это воздух. Её работа — это купол. На манеже простые правила, которые сложно соблюдать. Промахи жестоко караются, победы остаются незамеченными. Главное, что она успела усвоить, так это то, что манеж круглый. Все, что будет сделано — тебе же и вернется. Всё, что тебе положено — к тебе придет. Когда Джо в деле, она точно знала: она неотразима. Все многочисленные пары глаз прикованы к ней и стараются уловить даже самое незначительное движение. Она чувствовала власть над собой и всеми в зале. Моментально забывались обиды и потери, а где-то в глубине нутра рождалось странное чувство, похожее на трепет листьев от дуновения ветра. Она почти могла назвать это счастьем.

Тем временем, похоже, что поток гостей остановился. Она подняла лицо, снова готовясь натянуть оскал, но заметила, что на сцену вышел мужчина лет тридцати, подошел к стоящему на небольшой сцене микрофону и показательно прочистил горло, привлекая внимание собравшихся. Айлз тут же обозвала его для себя конферансье.

— Добрый вечер, леди и джентльмены! — Джо узнала эту натянутую улыбку и даже слегка ему посочувствовала. — Сегодня мы собрались здесь, чтобы обсудить одну из важнейших проблем нашего времени. Распространение Covid-19, также известного, как коронавирус, и влияние массовой истерии на разные сферы жизни человека. Мы собрали авторитетнейших спикеров, чтобы они смогли поведать вам…

Дальше Джо окончательно перестала слушать. Она пыталась поставить указательный и большой палец так, чтобы взять в захват его голову и раздавить.

Незнакомое лицо сменялось другим незнакомым лицом. Все они с крайне умным видом говорили крайне банальные вещи. Вот, например, мужчина в белом халате, который, видимо, решил подчеркнуть свою принадлежность к медицине: «опасность covid-19 искусственно преувеличена, этот вирус ненамного опаснее уже известного человечеству ортомиксовируса, в простонародии — гриппа». Да, именно поэтому почти все страны планеты к чертям собачьим закрыли границы. Или этот лысый, в пепельном костюме: «человек склонен стигматизировать все, что его тревожит, такова уж наша натура…». А вот этот шатен с глазищами на пол-лица вообще стал благодарить всех подряд и выпалил: «я взываю к вашему благоразумию». Где-то она это уже определенно слышала…

— Я взываю к вашему благоразумию, люди. Для всех нас наступает очень тяжелое время. Это огромный удар по мировой экономике, политике и, конечно, культуре. Я… Хотел попросить вас не поддаваться панике, но это сделали за меня уже несколько очень умных людей, и… — Питер отодвинул небольшой листок, который был исписан подготовленной заранее речью. Ему он точно больше не нужен. — Будьте осторожны. К сожалению, это не прозвучало ни разу за сегодняшний вечер. Пожалуйста, берегите себя и окружающих. Какими бы мы не были разными, во что бы не верили и как бы не думали, мы — люди. И всегда должны оставаться людьми. Нужно уважать право на жизнь и здоровье каждого отдельного человека и тогда они обязательно будут уважать ваше право на это. Я стараюсь привыкнуть к новому миру и не разучиться видеть в нем прекрасное. Стараюсь донести своё видение и до вас. Вы знаете, культура сможет дождаться вас. Спасибо и доброй ночи, Нью-Йорк, — на этих словах парень спешно сошёл со сцены. И только в этот момент, Джо, наконец, поняла, кто только что выступал перед этой толпой.

— Тирамисушный человек?!

Глава 5

— Я так и знал, что тебе нельзя верить! — Питер мерил широкими шагами туалетную комнату. Он уже несколько раз умылся, использовал все дыхательные гимнастики, с которыми был хотя бы смутно знаком, но тщетно, он никак не мог успокоиться. — Ну что ты за человек такой, ну тебе же сказали, о чем нужно сказать, а ты пронес какую-то пургу! Идиот! — он резко остановился напротив зеркала, зло зыркая в отражение. — Угомонился. Вдохнул. Выдохнул. И вышел в этот чертов зал. Да, ты испоганил нам жизнь, умничка, теперь умудрись хотя бы не испоганить нам вечер.

Он уверенно покинул уборную и не узнал зал, в котором только что выступал. Столы, которые до этого стояли плотной кучкой возле самой сцены, развезли по краям помещения, и теперь в центре зала было достаточно места для вакханалии. Под высоким потолком висел упругий трос. Главный свет в зале погасили, заменив его разноцветными огнями пушек, что были установлены напротив сцены. Возле столов установили фонтаны с алкоголем и шоколадом. Мимо него пробежал улыбающийся паренек и услужливо поднес прямо к его лицу поднос с несколькими бокалами шампанского.

— Будете, сэр?

— Я… Спасибо, не откажусь, — он улыбнулся в ответ и взял бокал с подноса официанта. Тот улыбнулся ещё шире, кивнул и убежал к следующему потенциальному алкашу.

После пары бокалов шампанского настроение Ривера стало заметно улучшаться. Его бесперспективная жизнь казалась полной смысла и амбиций, а потом, кого вообще интересует общественное мнение? Нет, точно не Питера Ривера. Он самодостаточный и гордый, а главное, талантливый, молодой человек. И он больше ни разу в жизни не будет гоняться за чьим-то одобрением или похвалой, даже если это будет сам, мать его…

— Мистер Келлер?.. — поток его гневного монолога прервал знакомый голос.

— Он самый. Питер, правильно?

— Да, все верно.

«Господи-господи-господи, он запомнил моё имя!».

— Я тебя похвалить хотел. Ты, скажу прямо, не создаешь впечатление человека, который… Неоднозначное, в общем, ты создаешь впечатление, но твоё выступление мне понравилось. Нам всем поставили задачу попросить закрыть на проблему глаза, а ты… По крайней мере попытался сказать что-то от себя. Это правильно.

— Спасибо, мистер Келлер, очень ценно слышать это от вас.

«Меня. Похвалил. Сэмюэль. Келлер. Кто я, если не самый счастливый человек на всей долбаной Земле?!».

— Веселись, Питер. Доброй ночи.

— Доброй ночи, сэр.

«А-А-А-

Оба синхронно обернулись на хозяина глубокого голоса. Им оказался странный заспанный мужчина в грязном медицинском халате. Питер моментально отпустил руку девушки, а она отбежала от него к её «спасителю».

— Он забирает мой бокал! — Джо по-детски тыкнула в Ривера пальцем.

— Это она забрала его! А ещё тирамису! Понимаете, она моё тирамису! И в отеле, она мне знаете что ночью устроила, это вообще ни в какие ворота, она знаете что!..

— Ох, ясно, всё ясно, милые бранятся — только тешатся. Бранитесь, черт возьми, потише. Тут люди спать пытаются.

— Но мы… — попытался защититься Питер.

— Вот меньше всего на планете меня интересует, что — вы. Тихо я сказал. Ясно? — оба энергично закивали. — Вот и прекрасно.

Как только он ушёл, Джо с облегчением выдохнула и снова отпила из бокала.

— Ненормальный какой-то.

— Это он-то ненормальный?! То есть ваше поведение, мэм, абсолютно нормально?!

— Какой же ты зануда, — она опустошила бокал и втиснула пустую посудину Риверу в руку. — До встречи, тирамисушка.

Питер проводил Джо испепеляющим взглядом. Перед тем, как девушка окончательно скрылась из виду, он успел обратить внимание на надпись на её бейдже. Джо Айлз.

— Три буквы в имени и четыре в фамилии. Видимо, чтобы мозгов хватило представиться, — пробухтел он себе под нос, явно считая эту никем неуслышанную колкость личной победой.

Через очередную пару бокалов Питер стал забывать былые обиды и даже был готов простить Джо её поведение. Что с неё взять: зов природы, было бы странно, если бы антихрист вёл себя иначе. Он с осовелой улыбкой наблюдал за шоу, которое предоставили организаторы. Люди в цветастых костюмах двигались с такой скоростью и ловкостью, что хмельной взгляд с трудом мог выцеплять отдельные образы их пируэтов. Из центра зала, который был закрыт от зрителя множеством фигур, стало плавно взмывать вверх кольцо, на котором, будто на качелях, сидела очаровательная девушка. Она широко улыбалась и забавно помахивала ногами, будто бы она сидит на лавочке в парке, а не на взмывающем под самый потолок стальном круге. Как только кольцо остановило своё движение, девушка резко откинулась назад, держась за него на сгибах коленей, сначала обеих ног, а потом и вовсе одной ноги. То, с какой ловкостью и непринужденностью она садилась на шпагат прямо в воздухе, как ловко она то ныряла, то снова выныривала из кольца, как смело она делала вид, что вот-вот полетит вниз и в последний момент цеплялась за снаряд, создавало ощущение, будто она невесома. Будто все мирское и обывательское, к чему, безусловно, относилась гравитация, её совершенно не тревожит.

Ривер был в восторге. Он давно не наблюдал чего-то настолько же завораживающего и умопомрачительно неотразимого. Из потока восхищения его вырвал голос конферансье.

— Леди и джентльмены! Поблагодарим неотразимую Джоанну Айлз! Браво! — он как-то по-свойски приобнял её за плечи и, кажется, наступил на ногу. Она одарила мужчину знакомым Питеру взглядом «отвернись, и я откушу тебе ухо». Зал разразился громкими аплодисментами и восторженными выкриками.

— Была бы она вполовину столько же добра, сколько талантлива…

Ривер тихо поддержал общие овации.

Глава 6

Джо сидела в халате на пуфике, яростно шипя и ойкая. Один весьма странный особь наступил ей на ногу и с красивых туфлей на шпильке отлетело пару камушков от «Сваровски». Девушка супер-клеем клеила их на место, мысленно перезаряжая воображаемое ружьё. Она встала и, размахивая туфлей, чтобы быстрее высохло, нервно стала ходить по номеру.

Какой-то странный звук заставил её замереть.

Стук, несколько напоминающий таран, бился ей в двери. Джо фыркнула и откинула с плеч влажные волосы. Кого же к ней принесло? Не мистера ли «не беспокоить» из соседнего номера? Она нажала на ручку двери и приготовила своё самое сучье выражение лица, но её тут же ударили плечом, проталкивая обратно в номер. Весь взбаламученный, темноволосый парень влетел во внутрь, пытаясь закрыть за собой дверь. Пара рук торчала в проеме, словно пытаясь влезть к ней в комнату. Он лупил по ним дверью, изо всех сил пытаясь остановить напор и закрыть дверь. Но кто бы он ни был, явно не желал отступать и лишь сильнее налёг, врываясь в комнату.

Темноволосый упал, откатываясь к самой кровати, и Джо наконец увидела, кто ломился к ней в номер. Это был человек, но… уже не совсем. Блондинка склонила голову на бок, застыв в ступоре лицом к лицу с тварью серого цвета. Словно человеческую кожу просто обесцветили. Это оно ещё не так давно было официантом, а теперь же, истекая гнилью изо рта, рвануло на Джо без предупреждения.

Послышался высокий душераздирающий визг.

Она и сама не поняла, как это произошло, но она открыла глаза, понимая, что тварь в сантиметрах тридцати от её лица. Видимо, на уровне рефлексов, у неё сработал инстинкт самосохранения и она наотмашь ударила его рукой, в которой была зажата туфля. Джо лишь хлопала ресницами, переводя взгляд с туфли на глазницу твари, из которой вогнанный до основания торчал каблук.

— Чего верещишь? — Джо высунула туфлю из упавшего на пол тела, обернувшись на лежащего у подножья кровати парня. — Ты врач?

Тот отряхнул свой белый халат и подлетел к телу.

— Он мёртв, чёрт возьми, ты убила его!

— Ну извините, — буркнула она. — В следующий раз спрошу разрешения.

— Нет же, — парень стал суматошно бегать по комнате. — Это всё меняет, Господи, всё меняет.

— Опять камень отлетел, — Джо печально смотрела на туфлю. — Я, конечно, дико извиняюсь, но какого чёрта тут происходит?!

— Всё началось с COVID-19, — словно безумный шептал тот. — Сначала, у людей без иммунитета проявляются симптомы воспаления легких. Из-за длительного инкубационного периода заболевание крайне сложно выявить, а пути передачи…

— Это уже полгода по телеку крутят, — Джо схватила небольшой рюкзак со столика с вещами первой необходимости. — Как вирус привёл к этому? — она всё той же туфлей указала на труп.

— Первыми разлагаются лёгкие, но гниение на этом не остановиться, если человек не погибнет. Я думал это были обычные болезни, но… Гниет всё, а потом… потом они превращаются в *это*.

— Прекрасно, — Джо рванула к ванной, в надежде смыть с себя брызги крови.

Но остановил её появившийся в дверях сосед.

— Что у вас тут происходит вообще? — его глаза перемещались с Джо на труп, с трупа на чувака в халате, планомерно округляясь и увеличиваясь в размерах, — Вы что натворили…

Ответом ему служил женский визг, причём совсем неподалёку. Питер обернулся, физически ощущая, как краска отлила от лица и сердце ухнуло куда-то гораздо ниже пяток.

Их были десятки.

Заметив его реакцию, Джо закинула рюкзак на плечо, хватая за шиворот темноволосого. Питер в свою очередь схватил её за рукав халата, потащив на себя. Только что подъехавший лифт открыл для них свои объятия. Джо даже подумать ни о чём не успела, словно в замедленной съемке глядя на то, что с двух сторон заполонило коридор. Откуда в один момент взялось столько *этого* было не ясно, как и то, что им теперь делать. У них что, зомби апокалипсис? Вот только ни в одном фильме они не появлялись из воздуха. Хотя…

Долгие месяцы борьбы с COVID-19 точно не предзнаменовали ничего хорошего. А карантины? Кто стал бы вводить карантины, если бы по улицам гулял всего лишь грипп?

Глядя, как на них рванула вся толпа, Питер яростно колотил по кнопке, созданной, чтобы закрывать двери лифта. Один особо проворный труп уже практически коснулся их спасительной коробки, как двери наконец закрылись. Повисла тишина, заглушаемая лишь дебильной музыкой лифта. Джо медленно съехала вниз по стене.

— Что же нам делать? — она смотрела в пространство перед собой. — Что же нам теперь делать?..

— Это… Что сейчас было?..

— Толпа пасхальных кроликов, — безэмоционально сказала Джо. — Ты что, не узнал?

— Это… Зомби?

— Да ты просто гребаный гений!

— Мы все умрем. Господи, мы все умрем! Помогите! — истошно вопя, он стал носиться по тесной коробке и стучать по её стенкам. — Выпустите меня! Я… Кажется, я задыхаюсь. Стены сужаются, Господи…

— Он ещё и клаустрофоб? — устало осведомился Александр.

— Я его четвертый раз в жизни вижу! Всё, что я о нём знаю, так это то, что он истеричка.

— Это просто сон. Ну конечно, это просто сон, я сейчас открою глаза и окажусь дома, в Чикаго. Конечно, это сон, Господи, конференция в Нью-Йорке, что за тупость… Буч! Господи, я оставил там пса! — он стал с ещё большим рвением, чем до этого, мучить кнопку лифта, на этот раз пытаясь вернуться на их этаж.

— Ты что творишь? Правда что ли жить надоело? — Джо энергично вскочила на ноги и с не меньшей скоростью стала стучать по кнопке цокольного этажа. — Валить надо. Твой пёс сам справится.

— Если мы сейчас же его не заберем — вы сами больше ни с чем не справитесь, — Ривер сверкнул зелёными глазищами, от чего блондинка дёрнулась, но не отступила. Угроза физической расправы от человека подобного телосложения не была достаточно убедительна.

— Комнату закрыл?

— Да…

— Значит, они до него не доберутся. У твоего пса куда больше шансов выжить, чем у нас, — она тряхнула волосами. — Хватит долбить кнопку.

— Но… Буч… — долбить он не перестал, но стал постепенно сбавлять темп.

— Если ты сейчас же не оставишь эту чёртову кнопку в покое, я тебя так взбучу, что себя в зеркале не узнаешь. Понял?

Питер нехотя кивнул. Он отошёл к стене, вдруг понимая, что именно не так.

Лифт стоит.

— Зашибись, ещё и застряли, — Джо скинула с плеч рюкзак, доставая телефон. — Вай-Фай ловит. Связи нет.

— Попробуй кому-нибудь написать и попросить вызвать кого-нибудь на помощь, — Ривер заглянул в экран через плечо девушки. — Мы же не сможем здесь жить. По крайней мере, не очень долго.

Темноволосый вздохнул.

— Здесь уже есть военные, так что просто нужно где-то переждать.

— Отлично, — Питер всплеснул руками. — Это ведь всё меняет, да? Вообще нет повода для паники, тут и посидим. Свет есть, интернет есть — может фильм глянем?

Стоило ему договорить, как в мгновение щелкнуло электричество и опасно дёрнулся лифт. Джо взвизгнула, схватившись за руку Питера, который в свою очередь схватился за темноволосого.

— Так, ты больше ничего не говори, а то ещё разобьёмся, — Джо прокашлялась. — Так ты врач? Как тебя зовут? Что случилось?

— Я патологоанатом, — тот зажмурился, когда блондинка стала светить ему фонариком в лицо. — Что ты делаешь? Прекрати.

— Это чтобы жизнь малиной не казалась, — фыркнула та, но всё равно убрала фонарь чуть левее, в глаза Питеру. — Ты продолжай-то повествование.

Ривер сморщил лицо и попытался отмахнуться от луча света, как от назойливого насекомого.

— Меня вызвали на вскрытие и там был странный случай. Куча военных и полицейских, а потом в баре на меня кинулся… этот.

— Да уж, — шатен отодвинул фонарик в руке блондинки, чтобы не ослепнуть, свободную руку он протянул патологу. — Питер Ривер, рад знакомству.

— Александер Хантер или доктор Хантер, как вам удобно. Взаимно.

Они дружно позарились на девушку, которая умудрялась одновременно играть в «CandyCrush» и светить фонариком в лицо Питера.

— А эта невоспитанная воровка — Джо Айлз, — Ривер положил ей руку на макушку, заставляя сделать то ли кивок, то ли поклон. — Она тоже рада познакомиться.

— Ничего я не рада, — девушка фыркнула. — Это он привёл зомби. Я бы сейчас спала себе спокойно, а не торчала в лифте с вами двумя.

Никто ничего на это не ответил. Все разошлись по углам, каждый думая о своём. Почему-то время шло, а их спасать никто не собирался. До них даже не доносились никакие звуки, только размеренное гудение вентилятора.

Босая Джо переступила с ноги на ногу.

Александер смущенно отвёл взгляд, словно чувствуя за это некую вину. Действительно, ведь обладательница розового педикюра впустила его, убила зомби, а теперь торчит с ними в лифте, в одном халате и мокрыми волосами. Он осмотрел их железную коробку, замечая решительный взгляд Питера, устремленный наверх.

Общими усилиями, они откинули крышку лифта, закашлявшись от посыпавшийся на них пыли. Их взгляды устремились на Джо.

— Что? — скрестив руки на груди, спросила она.

— Видел сегодня, что за трюки ты выделывала на кольце в клубе, — Питер указал пальцем вверх. — Лезь.

— Я тебе что, героиня фильма, лазить по шахте лифта? — Джо посветила фонариком вверх, глядя на тянущиеся в темноту тросы. — Подсадите хоть.

Оба парня просто топтались по кругу, не совсем зная, как это делается. Айлз глубоко и обреченно вздохнула, вдруг ударяя сзади патолога под колено. Одна его нога неизбежно рухнула вниз, другую он выставил вперёд. Таким образом, хватаясь руками за воздух, тот стоял на одном колене, будто собравшись делать Питеру предложение руки и сердца. Опираясь Риверу на плечо, Джо взобралась по Александеру, словно по ступенькам, хватаясь руками за край люка, протягиваясь и скрываясь в темноте.

— Как думаете, там всё хорошо? — оставшись в кромешной тьме спросил Питер. — А то я ещё не очень готов умирать.

Только патолог открыл рот, как из люка вниз головой свесилась Джо. Оба парня перепугались и вскрикнули.

— Прямо над лифтом выход на шестой этаж. Там спокойно, люди забаррикадировались, — она повернулась к Питеру. — Давай руку.

Глава 7

— Привет, Джим, — Джо распахнула очередную дверь в очередной номер на шестом этаже, узнавая в посетителе старого знакомого. — Как жизнь?

Поджарый мужчина в форме спецназа вытирал с лица остатки крови полотенцем, пытаясь сдержать улыбку.

— Айлз, столько лет прошло, а ты словно и не собираешься меняться, — он жестом пригласил её внутрь. — Снова номером ошиблась или этот твой?

— Я не одна, — она пропустила двоих притихших парней во внутрь. — Мы со второго этажа, у нас там наплыв этих тварей. Ты не в курсе, случайно, что происходит вообще?

Спецназовец откинул полотенце, указывая вошедшим на три кресла. Сам он уселся на кровать, отодвинув автомат немного влево. Мужчина старался по возможности оттянуть разговор и первым делом протянул парням шершавую тёплую ладонь.

— Сержант Митчелл.

— Доктор Хантер, — неуверенно пожал его руку Александер, зачем-то покосившись сначала на Джо, которая уже вскочила со своего места и шарила по номеру в поисках чего-то неизвестного никому.

— Эм… — шатен сглотнул. — Ривер. Просто Питер Ривер.

Спецназовец усмехнулся.

— И что же такой как ты, просто Питер Ривер, забыл здесь?

— Я… я… — покраснев до корней волос начал Питер. — А вы, сержант? Снаружи страдают люди, а вы здесь ванны принимаете? Нынче в спецназ берут за отсутствие серого вещества?

Александер неуверенно поднял руку:

— Ваше замечание не совсем корректно… Понятно, что у среднестатистического человека, не особо знакомого с биологией, фраза «серое вещество» очень популярна, имеет некий магический смысл — это какая-то особая материя в мозге, что отвечает за интеллект. На практике всё несколько иначе, прозаичнее, и несоизмеримо сложнее. Будь-то ваш мозг или сержанта Митчелла, он состоит из нервных клеток и нейроглии, которую принято считать вспомогательной, хотя это несколько упрощённое видение. Так вот, нервная клетка состоит из тела, если точнее, сомы и отростков, таких как аксоны и дендриты.

— Понял, Питти? — хохотнул сержант. — Что с него взять, док, головешка-то вон какая крошечная, мозгов совсем нет.

Хантер набрал в грудь побольше воздуха.

— Вы тоже не совсем правы, сержант. Вообще, по поводу умственных способностей — вопрос хитрый и дискуссионный…

Дальнейшее объяснение Джо уж точно не слушала. Она сунула небольшой складной ножик в замок на шкафчике номера, с силой нажав и отперев дверцу. В её рюкзак полетели пара шоколадок, чайных пакетиков, влажных салфеток и прочей ерунды.

— …бы не было нужны в его развитии, мы бы так и остались с мозгами примата, при наличии в них такого же уровня осознанности, знаний и способности к креационизму. Но наш мозг намного больше, в нем порядка восьмидесяти шести миллиардов нейронов. Их связь создаёт огромные возможности для человека. В мозгу же кошки всего лишь двести пятьдесят миллионов нейронов, что составляет всего лишь ноль целых двадцать девять сотых от человеческих…

Девушка фыркнула, ныряя за дверь ванной комнаты. Боже, угораздило же её попасть в эту компашку. Она скинула к себе набор гелей, мыла, сухих салфеток, полотенец для лица и даже два рулона туалетной бумаги. Вернувшись обратно, она уже застала спецназовца стоя.

— Что за пургу ты мне тут несёшь? — зло выдохнул через нос сержант.

— Проще говоря… — док покраснел. — Для коры мозга человека характерна наивысшая степень дифференцированности и сложности колончатой организации, особенно в специфических для него отделах. В процессе эволюции увеличилось количество ассоциативных корковых нейронов, степень ветвлений дендритов и число шипиков на них, число и пластичность синапсов, возросла эффективность медиаторных процессов и ферментных систем мозга.

— А ну хорош письками меряться, — Джо швырнула в каждого бутылкой воды. — Тут нельзя оставаться. Валим. Но сначала, — она перевела взгляд на Джима, — выкладывайте всё, сержант.

Тот потупил взгляд и сел, сжимая бутыль воды, как своего ребёнка.

— Мы перевозили больных COVID-19 для выступления премьер-министра. Первым взбунтовался мужчина, которого вы, доктор Хантер, вскрывали сегодняшним утром.

Александер сдержано кивнул.

— Дальше, — с нажимом повторила Джо, приоткрывая дверь и оглядываясь.

— А дальше… большинство заражённых последовали его примеру, — сержант снова протёр лицо полотенцем. — Их сложно убить. И невозможно остановить.

— А что говорит выше начальство? — Питер сжал ручку кресла. — Нам стоит ждать подмоги?

— Шутишь? — сержант хмыкнул. — У нас приказ зачистить больных. Мы и есть ваше подкрепление.

— И что же вы приказам-то не подчиняетесь? — Ривер только сейчас заметил, что Джо успела смыться из комнаты.

— Патроны кончились, — досадно сказал он. — И не только. С ребятами тоже связи нет. Может кто ещё и жив.

— Лучше, блин, некуда, — подскочил с места док. — Где блондинка?

Питер ещё немного потоптался в номере, но вышел следом за Александером. В конце-концов они нашли Джо ломающей замок на лестничной площадке.

— Что ты делаешь? — док прислонился к стене, скрестив на груди руки. — Умереть хочешь?

— Надо валить, — девушка наконец откинула замок, со скрипом открывая от себя железную решетчатую дверь. — Через крышу. Я видела там пожарную лестницу.

Александер лишь равнодушно пожал плечами. Он устремился по ступенькам вверх, замирая и оборачиваясь.

— Ты не идёшь?

Питер лишь не мигая смотрел на ступени, ведущие вниз.

— На втором этаже остался Буч. Я должен вернуться за ним.

— Так, у этого крыша уже потекла, — Джо схватила врача за халат. — Идём, я в спасатели Малибу не нанималась.

— Удачи, — лишь растерянно бросил Хантер, пока его окончательно не утащили вверх.

Питер сделал шаг вниз, положив руку на перила. Чего он ещё ожидал? Что эти двое или кто-либо ещё вдруг решать сделать спасение Буча целью всей его жизни? Он уже знал Джо — более-менее — не с очень хороших сторон. Ривер бросил взгляд на бутылку воды в руке, раздосадовано хмыкнув. Вряд ли Айлз решила проявить альтруизм. Скорее всего, ей не хотелось бы тащить груз самой и она уже потом собиралась так же бессовестно отжать у него воду.

В любом случае, их пути разошлись. Его первостепенной задачей является спасение пса. А что делать потом? Забаррикадироваться в номере и ждать спасения? Нет. Судя по словам этого нахального сержанта, хрен кто придёт ему на помощь. Придётся искать